Петров и математика

Детский писатель Петров ходил на встречи с детьми в школы и не старел. Его спрашивали: «Как вы так хорошо сохранились?», а он только хихикал. На самом деле, он воровал у детей время. Придет на встречу, про книги поговорит, а сам то у одного ребенка пару дней свистнет, то у другого. Так и жил не старея.

Но надумал как-то Петров омолодиться. Думает: «Вон люди такие безумные деньги на пластических хирургов тратят. А я не стану! Зачем деньги тратить, когда можно даром?» И пошел в школьную библиотеку на встречу. Детей явилось много, всех не пересчитаешь. Да и не любил математику Петров никогда. Решил: «Возьму с каждого по два годика. Может, и хватит».

Встреча прошла хорошо. Петрова все слушали, никто даже не плевался из трубочки. После урока учительница вернулась, чтобы отвести ребят в класс. Смотрит, а перед ней не четвероклассники, а шестиклашки! Самые настоящие. Пришлось их в другой кабинет вести, на другой этаж. Библиотекарша хотела подарить писателю цветы и конфеты. Глядь, а нет писателя. Она обрадовалась: можно подарки себе оставить. А то никто не дарит ни на Первое сентября, ни на День учителя. Обидно.

Только какой-то мальчишка мелкий носится. Библиотекарша хвать мальчишку за ухо и потащила его в первый класс. Тот, правда, чушь какую-то нес, что он писатель. Но кто ему поверит?

Петров потом бегал к шестиклассникам, хотел время вернуть. Но они ему по шее обещали дать. Кто же откажется школу раньше на целых два года закончить? Дураков нет!

Так что сидит теперь Петров в первом классе, математику учит.

Случай на кладбище

Гулял как-то писатель Петров по кладбищу. Он так часто делал, когда вдохновения не хватало. Потому что без вдохновения писателю никуда: ни тебе рассказ написать, ни стихотворение. Идет Петров, головой из стороны в сторону вертит, руками размахивает. От эмоций. Уж очень ему нравится на кладбище. Могилки заброшенные, памятники полуразрушенные – самое то. Эпитафии тоже интересные. Над головой мыши летучие носятся, сова вдали ухает, уж полночь близится... А вдохновенья нет!

Вдруг слышит Петров: какой-то шум. Он туда бегом потихонечку. А там дядька один, весь в черном. И делает тот дядька что-то странное. То тыквы с горящими глазницами на оградку насадит. То фигурки

восковые между могилками поставит. Вампиров там всяких, оборотней. А еще мертвецов с косами.

Подошел дядька к одному вампиру и в рот к нему полез: клыки поправить. А вампир настоящий оказался и того дядьку укусил. Петров так смеялся, что проснулся. Тут к нему и вдохновение явилось. Только написать Петров ничего не смог – забыл. А нечего в сон без ручки с блокнотом ходить!

Петров и страшненькое

Однажды писатель Петров стоял в коридоре. Было темно и страшно. И дверь на улицу кто-то забыл закрыть, словно нарочно. Петров думал, что сейчас произойдет что-то страшненькое, и ждал этого. Он вглядывался в темноту, но ничего происходило. Лишь мурашки носились наперегонки по спине Петрова. От этого было щекотно, но не страшно. Видимо, страшненькое догадалось, что Петров ждет не просто так – в руках у того были блокнот и ручка.

Тогда Петров спрятался в комнате, чтобы страшненькое его не заметило. Но дверь не прикрыл – стал подсматривать в щелочку. Стоять было холодно – Петров забыл надеть тапочки. Но страшненькое все равно не приходило.

Тогда Петров обиделся и проснулся. Наконец-то он не забыл и взял с собой в сон блокнот и ручку, но ничего так и не приснилось.

Петров и жанры

Однажды писатель Петров шел по школьному коридору – опаздывал на встречу с пятиклассниками. Коридор был длинный, впереди шагала девочка с портфелем в руках. Раз, и скрылась за углом.

«Интересно, – задумался Петров, – а что там? За углом?»

Он даже замер на мгновение.

«Может, там портал в другой мир? – предположил Петров. – И тогда это фантастика».

Он представил, как девочка с громким чпоканьем исчезает в воздухе, а на полу остается лежать одинокий портфель.

Петров снова остановился и почесал затылок.

«А может, там вампир притаился, и тогда это мистика», – сочинил на ходу Петров.

Он почти наяву увидел, как вампир вонзает клыки в шею девочки и пьет кровь. Портфель падает из ее ослабевших рук.

«Или мужик с топором ждет, и тогда это триллер», – потер подбородок Петров.

Он вообразил, как девочка мечется по коридору, прикрываясь портфелем, и старается убежать от мужика с топором.

«А может…» – больше ничего придумать Петров не успел, потому что наконец-то свернул за угол.

Там стояли ребята из пятого класса и молча смотрели на него. Девочка тоже стояла, смотрела и молчала. А потом подошла, ударила Петрова портфелем по голове и сказала: «Это боевик!»

Петров и куда приводят мечты

Однажды писатель Петров ехал в троллейбусе и пялился в окно. Из-за угла навстречу выехала машинка и поехала дальше. Петров повернул голову на сто восемьдесят градусов и разглядел ее повнимательнее.

Машинка была очень красивая: красная, с белой полосой по бокам и с большим нарисованным орлом. Петров сразу представил: он сидит за рулем и давит на газ. Вдруг дорогу преграждает другая машинка. Черная! И даже стекла у нее затемнены. А оттуда выбегает один дядька. Нет, два! Лучше три! И у каждого по дубинке.

Дядьки хотят вытащить Петрова из машинки, но он сильнее давит на газ, и машинка взлетает. Петров высовывается из окна и показывает дядькам язык. Те злятся и бьют друг друга по голове дубинками. Петров радуется и летит дальше. Тут сверху инопланетяне! На большом космическом корабле. И по Петрову из лазерных пушек: «Бамс! Пли-пли-пли!»

Петров руль резко вправо крутит, сам из пальца отстреливается автоматной очередью и уходит из-под огня. Прямо в воду. Плывет машинка по дну реки. А там атланты поджидают. С железными трезубцами. Атланты машинку окружают и требуют, чтобы Петров сдался. Тогда Петров…

Тут к Петрову подошел водитель троллейбуса и сказал, что это конечная остановка и надо выходить. Петров потом полчаса ждал троллейбус и опоздал на встречу со школьниками.

Петров и давным-давно

На встречах дети часто спрашивали писателя Петрова, сколько ему лет.

– Давным-давно родился, – рубил правду-матку Петров, – еще при динозаврах.

– На самом деле?! – ужасались дети.

– Да, – оживлялся Петров, – как сейчас помню: видел динозавров на расстоянии вытянутой руки. На кисельных берегах молочной реки паслись.

– И мамонтов?! – восхищались дети.

– И мамонтов видел, – соглашался Петров. – Они недавно вымерли, прямо перед вашим рождением.

И давай рассказывать:

– А знаете, как динозавры на мамонтов охотились? Мамонты же огромные, их много. Динозавры, правда, тоже огромные, и их тоже много, но все равно опасно. Так вот. Динозавры тихонечко подкрадывались к мамонтам и рычали на них изо всех сил! Клыками огромными щелкали.

Петров переводил дух, а побледневшие дети сползали под парты.

– А мамонты им в ответ в хоботы трубили, бивнями угрожали, – продолжал Петров. – И начиналось побоище! Кровь рекой хлестала, земля тряслась. Тут, главное, было под ноги к ним не попасть, а не то затопчут. Я, бывало, залезу на дерево и смотрю оттуда.

– Ой, выдумываете вы все! – не верили дети из-под парт.

– Истину говорю, – заверял Петров. – Я даже помню, как обезьяна в человека превратилась. И ваши бабушки с дедушками, и родители – все были обезьянами, даже я.

Он на мгновение замолкал, а дети тем временем карабкались на стулья.

– И вот однажды вишу я на дереве, – вспоминал Петров. – Глядь, блокнот с ручкой на земле валяются. Я их поднял, долго вертел: не знал, что делать. А потом думаю: дай я про мамонтов и динозавров напишу исторический роман. И пока писал, хвост у меня отвалился, шерсть выпала, и стал я первым человеком и писателем. А там и бабушки с дедушками и родители ваши очеловечились. Так и живем людьми с тех пор. А динозавры с мамонтами этого не вынесли и вымерли.

– Правда?! – восторгались дети.

– Чистая, – подтверждал Петров. – Так что пишите. И математику пишите, и русский, и сочинения по литературе. А иначе запустите обратный процесс: времени-то мало с тех пор прошло. А еще книги читайте. Мои. Зря я, что ли, писателем стал?

Петров и его секретарь

У писателя Петрова была автограф-сессия на книжной выставке. Вокруг читателей море, писателей еще больше. Смотрит Петров: вон Сидорова за рукав дергают, к Иванову огромная очередь выстроилась. Все ходят, друг с другом общаются, а к Петрову никто не подходит. Сидит Петров возле своих книг, скучает. Тут тетенька к нему одна направляется и спрашивает:

– Какое отношение вы имеете к книгам Петрова?

– Никакого, – честно отвечает Петров.

– А почему вы за него сидите? – возмущается тетенька.

– Так я его секретарь! – говорит Петров. – Мне положено.

– Что же Петров сам не пришел? – сердится тетенька.

– Не может, – вздыхает Петров. – Сами знаете, какая у него слава! Фанаты все стены в подъезде исписали, фанатки возле двери караулят, в любви признаются. Он один раз хотел выйти на улицу, но не смог. Фанаты набросились и всю одежду на сувениры порвали. А его самого чудом не затоптали! Еле вырвался.

– Как жаль, – расстраивается тетенька, – я хотела его книжку купить и автограф взять.

– Так покупайте! – радуется Петров. – А автограф я дам: несколько дней тренировался, чтобы как у Петрова был. У меня даже лучше получается!

Тетенька книгу купила, автограф получила, а потом еще больше огорчилась:

– Я же сфотографироваться с Петровым хотела.

– Могу и сфотографироваться, – заверяет Петров. – Я десять пластических операций сделал, чтобы на Петрова походить. Я теперь на Петрова даже больше, чем он, похож.

Тетенька с ним сфотографировалась, а потом побежала по выставке хвастаться, что у нее есть селфи с секретарем Петрова и даже его автограф. Так что вскоре к Петрову целая очередь выстроилась из читателей и писателей: всем хотелось на живого секретаря самого Петрова посмотреть!

Петров и минус девять месяцев

Петрову как-то раз написала рассерженная мамочка. Мол, так и так, купила она книжку, на которой написано 0+, а ее ребенку книга не подходит. Ведь ребенок только вчера зародился, он многих слов даже не понимает. Нельзя ли написать книжку, чтобы на минус девять месяцев годилась?

Петров задумался: а ведь на самом деле! 0+ книжки есть, 6+ тоже. 12+ даже существуют, а на минус девять месяцев нет. Взял он тогда и написал ответ:

«Здравствуйте, уважаемая мамочка!

Вы абсолютно правы, и мне жаль, что я как передовой детский писатель не задумывался об этом раньше. А ведь недопустимо ущемление прав тех детей, которые недавно зародились. У них ровно те же права на детские книги, что и у уже рожденных. А потому я специально для вас написал книгу

“Минус девять месяцев”. Жаль только, что рисовать я не умею. Поэтому вы сами придумывайте картинки и передавайте их мысленно ребенку.

Прошу заметить, что шрифт у книги крупный, расстояние между строчками большое – все, чтобы не испортить зарождающееся зрение ребенка. И бумага плотная!

Итак, начнем с гласных звуков. Громко произнесите звук “А”. Сперва нараспев: “А-а-а”, затем по отдельности: “А! А! А!” Повышайте голос, затем понижайте. Повторите упражнение с другими гласными звуками.

Перейдем к согласным. Сперва порычим: “Р-р-р!” Затем пошипим: “Ш-ш-ш”. После пошепчем: “Тс-с-с!” Выполнили? Наступила очередь слогов.

Выразительно произнесите все гласные и согласные звуки в сочетании друг с другом. Этого вам должно хватить на несколько месяцев. Для примера: га, аг, да, ад, уж, жу и так далее.

Когда вы прочитаете ребенку все слоги, можно заняться произнесением двусложных слов. Начнем с общеизвестных: а-у, у-а, а-гу, у-гу, ма-ма, па-па, ба-ба, де-да, дай!

Затем приступаем к менее популярным словам: ко-ко, му-му, ка-ка».

Петров задумался: «Нет, ка-ку надо вычеркнуть. У них этой каки в ближайшие годы хоть завались будет. Замучаются попу ребенку мыть».

Он вернулся к письму:

«Надеюсь, этой книги хватит до конца беременности. А когда ребенок родится, можете смело приступать к чтению книг 0+: он будет к ним полностью готов. Но предупреждаю: только моих книг! И лишь потом, годам к двадцати, можно потихоньку вводить прикорм – книги других авторов.

Вводите осторожно: не более одной книги в месяц, и следите за реакцией ребенка: не тошнит ли его, нет ли колик? Если все в порядке, можно и дальше расширять круг чтения ребенка.

Теперь, когда я выполнил ваше пожелание, у меня ответная просьба: хочется, чтобы вы поделились этой информацией с другими мамочками. Ведь мамочки должны делиться передовым опытом и продвигать книги лучшего детского писателя, то есть мои! Тогда дети вырастут, любящие чтение и…»

Петров на мгновение задумался: «Что должны любить дети, по мнению мамочек? Хорошо есть? Какать? Слушаться родителей? О-о-о, – догадался Петров, – учиться они должны хорошо!»

И закончил:

«…и учебу. С искренней симпатией, ваш Петров».

Петров и конкурсы

Писатель Петров мечтал выиграть в литературном конкурсе. Мечтал давно и безответно. Что он только не делал! Рисовал карту желаний, расставлял в квартире мебель по фэншуй, а в новогоднюю ночь писал желание на бумажке, сжигал ее и запивал лимонадом. Также ходил к памятникам, тер их за разные места и снова загадывал желание. Ничего не получалось, но Петров не отчаивался. Вот и сейчас он следил по интернету за церемонией награждения.

Ведущий объявил третье место.

– Мне, – прошептал Петров, сжимая кулаки на руках и ногах, – дайте мне!

Он чуть не подскакивал на стуле от нетерпения.

– Сидоров! – назвал ведущий, и у Петрова бессильно разжались кулаки.

– Ладно, – решил Петров, – там еще два места осталось. Должно хватить.

– Второе место достается… – Ведущий взял паузу, а Петров скрестил все пальцы на удачу.

– Пусть повезет! – На всякий случай он закрыл глаза, чтобы не сглазить.

– Иванову! – закончил ведущий, и Петров скрюченными пальцами с трудом разлепил глаза.

– И наконец, первое место. – Ведущий тянул и тянул, а Петров ерзал на стуле.

Стул начал дымиться.

– Ну! – не вытерпел Петров и прикусил язык. – Раз, два… – Он досчитал до десяти и обратно – успел!

– Первое место жюри решило никому не присуждать, – закончил ведущий, и Петров чуть не грохнулся со стула.

Но ведущий продолжил:

– И специально для писателя Петрова…

Петров ободрился, его плечи распрямились, а глаза заблестели.

– Неужели Гран-при?! – Он мысленно прикидывал, куда поставит статуэтку.

– Специально для писателя Петрова жюри просило передать: Петров, хватит рисовать карты желаний и тереть памятники. Пришлите хотя бы раз книгу на конкурс! – закончил ведущий.

Тут стул не выдержал, у него подломились ножки, и Петров все-таки свалился.

Писателю никто не пишет…

«Писателю никто не пишет, – надрывался Петров. – Писателя никто не ждет».

Вчера он закончил рукопись, разослал ее по издательствам и с тех пор терпеливо ждал ответа. Петров в очередной раз залез в почту: ничего!

«Ничего-ничего, – пробормотал он. – Сейчас я займусь материализацией желаний. Сразу, как миленькие, напишете».

И принялся читать стихи:

Писателю никто не пишет,
А в чем причина – он не знает.
Он ждет. Зимой на стекла дышит
И смотрит вдаль. Не помогает.

Тренькнул телефон – пришла эсэмэска. Петров открыл ее и с замиранием сердца прочел: «Не забудьте пополнить баланс до завтрашнего дня. Ваш ТМС».

– Тьфу, – сплюнул Петров и продолжил материализацию: «Почему же так тяжело дышать? Почему так рвется твоя душа?

Словно стрелы отравленные мысли, твои неотправленные письма!»

Смартфон звякнул: в ватсап пришло сообщение. Петров открыл его и прочитал: «Скидки до 99 % на торжественном открытии...» Петров со злостью удалил сообщение и проверил электронную почту: пусто! Но Петров не отчаивался. Он достал настоящий шаманский бубен, купленный в магазине музыкальных инструментов, ударил в него и произнес заклинание для привлечения духов:

– Это – письмо счастья, прямо из санчасти, здесь Вася Обломов с пацанами: «Всем здрасте!»

Зазвонил городской телефон. Петров приосанился: наконец-то! «Приглашаем вас пройти бесплатное обследование желудочно-кишечного тракта», – предложил бездушный голос робота. Петров выругался вполголоса и нажал отбой. Он долго лазил в интернете в поисках строчек, способных сотворить чудо.

Где-то там, где-то далеко, далеко,
Кто-то прочитает долгожданное письмо, –

фальшиво напел Петров и обновил почту.

Письмо! Сердце Петрова возрадовалось. Вскоре он читал: «Здравствуйте, дорогой мистер Петров! Я адвокат вашего дяди. К сожалению, ваш дядя, проживавший на Берегу Слоновой Кости, недавно скончался и оставил в наследство дохренамиллиард долларов. Пожалуйста, свяжитесь со мной, чтобы я мог перечислить деньги».

У Петрова не было дяди из Берега Слоновой Кости, да и просто дяди не было, поэтому он не колебался ни минуты. «Господи, горе-то какое! – написал он. – Лишь дохренамиллиард долларов поможет мне пережить его. Вот реквизиты: присылайте скорее».

Теперь ждать стало чуточку веселей. Петров спустился в подъезд и открыл почтовый ящик. Из ящика высыпался ворох рекламных листовок, несколько счетов за коммунальные услуги и письмо из налоговой. Петров аккуратно запихал все обратно, вернулся в квартиру и прочел ответное письмо адвоката: тот был готов выслать наследство, но сперва Петров должен был отправить деньги за какие-то сборы. Денег у Петрова не имелось, поэтому он слегка взгрустнул. Затем что-то прикинул и предложил адвокату взять нужные деньги из наследства.

Дальше дело застопорилось: адвокат оказался щепетильной сволочью и наотрез отказался брать деньги из наследства. Мол, так дела не делаются! Петров решил пока не отвечать, а завтра занять нужную сумму у писателей Иванова и Сидорова. Он прошелся по квартире и снова прибегнул к материализации желаний.

Ты мне письмо напиши, а я спляшу, мне вручит почтальон мою мечту.

Знакомые слова я там прочту и мысленно к тебе перелечу, – речитативом напел он.

Затем добавил для верности:

Отворите скорей,
Почтальон у дверей!
Он вам письма принес
От родных и друзей!

В дверь позвонили. Петров никого не ждал, но дверь открыл. На пороге стоял почтальон и с интересом смотрел на Петрова.

– Вам телеграмма из Англии, – произнес почтальон. – От самой королевы.

Он протянул телеграмму. Петров несгибающейся рукой взял ее и прочел: «Petrov, ti lutshiy! Tvoya koroleva». И тогда Петров заплакал.

Петров и Новый год

Петров читал объявления в интернете: «Дед Мороз и Снегурочка придут к вашему ребенку», «Музыкальный коллектив выступит на корпоративе», «Тамада проведет конкурсы»... Аниматоры, фокусники, кукольники – все предлагали услуги на новогодние праздники. Петров пролистывал объявления, и постепенно морщины на лбу разглаживались.

«А ведь ниша-то свободна! – понял Петров. – Никто не занял!»

Он придвинул ноутбук и начал размещать объявления на разных сайтах. «Спешите позвать на Новый год настоящего живого писателя! – строчил Петров. – Писатель расскажет сказку, сочиненную специально для вашего ребенка, погладит ребенка по голове и подарит книжку. Отдельным бонусом писатель может погладить колено мамы ребенка и выпить с папой ребенка».

Он не успел разместить объявление, как раздался первый звонок.

– Меня интересует бонус, – томным голосом произнесла тетенька. – Что вы там писали про колени?

– О-о, – обрадовался Петров. – Это к мастеру детективов Сидорову, он у нас специалист по коленям.

– Сам Сидоров?! – восхитилась тетенька. – Да я все его книги прочла, да у меня они даже в книжный шкаф уже не помещаются. Заверните мне Сидорова, пожалуйста.

И сразу же эсэмэска приходит: тетенька за Сидорова двести тысяч перевела. Петров посмотрел на эсэмэску и завис, а потом набрал номер телефона Сидорова.

– Сидоров, – сказал он, – тебя на празднике тетенька одна хочет видеть – твоя поклонница. Сто тысяч платит.

Потом позвонил дяденька и хриплым голосом спросил:

– А что там насчет выпить?

– Это вам к Иванову, – ответил Петров. – Он у нас специалист по трудным судьбам.

– Сам Иванов?! – пришел в восторг дяденька. – Который во-о-от такие толстые книги пишет? Силен он писать.

– Сам Иванов, – подтвердил Петров.

Тут, бац, эсэмэска: дяденька за Иванова сто пятьдесят тысяч перевел! Петров посмотрел на эсэмэску, но уже поспокойнее, и позвонил Иванову: договорился, что тот к дяденьке за семьдесят пять тысяч съездит – обсудят дела во всем мире.

Затем позвонила чья-то бабушка и поинтересовалась:

– И сколько стоит позвать писателя к ребенку?

– Две тысячи, – заскромничал Петров.

– Совсем стыд потеряли! Такие деньги просить, – возмутилась чья-то бабушка. – А что за писатель придет к ребенку? Михалков?

– Михалков умер, – сообщил Петров.

– Ну тогда Маршак, наверное? Или Чуковский?

– Они тоже умерли, – просветил ее Петров. – Я про живого писателя написал, про Петрова.

Чья-то бабушка удивилась:

– А кто это? Я такую фамилию впервые слышу.

– Хороший писатель, – начал убеждать Петров, – детский. Не хуже Михалкова.

– Был бы хороший, я бы его знала, – отрезала чья-то бабушка. – А так я лучше приставку внуку куплю. И книгу Михалкова.

Петров хотел сказать, что внук потом с гордость вспоминать будет, как к нему сам Петров приходил, но не успел: чья-то бабушка отключилась.

На следующий день пришли Сидоров и Иванов, хотели, чтобы Петров им все деньги отдал. Но Петров наотрез отказался: сказал, что он теперь литературный агент и будет брать с них половину дохода.

Петров, писатели и друзья писателей

Детский писатель Петров раз в месяц ходил на встречу с другими детскими писателями. Их рассаживали за большой овальный стол и заставляли читать книги. Вслух. Друзья писателей слушали писателей, а потом говорили все, что о них думают.

«Садись, два. И тебе два – писать лучше надо. А тебе, так и быть, поставим троечку, с натяжечкой», – говорили друзья детских писателей.

Сами писатели ничего не говорили, только плакали в уголочке, чтобы никто не заметил. Но однажды одному писателю друзья писателей поставили пятерку.

«Учитесь, – сказали друзья писателей, – как писать надо. Вот каждый прочтите его книжку и запомните».

Писатель-отличник разулыбался, встал, в пояс поклонился друзьям детских писателей. Мол, спасибо вам большое за ваши добрые и справедливые слова. А остальные писатели ничего не сказали, только лицами потемнели и нехорошее подумали.

Писатель-отличник пошел потом домой, свернул за угол, а там толпа детских писателей. И все с темными лицами и нехорошими мыслями. Писатель-отличник пытался убежать, но его все равно догнали и побили.

Потому что не фиг!

День рождения Петрова

В день, когда родился детский писатель Петров, все страшно обрадовались: «Ура! У нас родился детский писатель!» Репортаж о том, как родители Петрова из роддома забирают, по всем телеканалам показали. Во всех газетах об этом написали и даже в одном гламурном журнале. И все снова страшно обрадовались: так много о писателях только в день их смерти пишут, а теперь сразу при рождении.

С тех пор повелось: Петрова каждый год поздравляли всей страной с днем рождения. Сначала он ничего не понимал, потом принимал как должное, а после немного подрос и понял: что-то тут не так.

Идет с родителями по улице, а к нему какая-то тетенька бросается:

– Здравствуйте, Петров! Вы еще ничего не написали, но мы уже всей семьей ваши книги любим и даже на полке место под них оставили.

Петров плечами пожимает, ничего не сообразит, а тетенька не унимается:

– Оставьте, пожалуйста, Петров, автограф на моей руке.

Мама Петрова подталкивает: мол, взрослых слушаться надо. Петрову не хочется, но куда деваться? Пришлось какую-то каляку-маляку тетеньке на руке рисовать. А тетенька пуще прежнего радуется:

– Спасибо вам, Петров! Я теперь никогда мыться не буду, чтобы ваш автограф не стереть нечаянно.

Вскоре Петров в школу пошел, и опять его всей страной поздравили. Обычно в этот день учителям цветы дарят, а тут одному Петрову. Он потом еле вылез из-под цветов и домой убежал: сказал, что в школу больше не пойдет – уж больно розы колючие. Но родители ответили, что ему на домашнем обучении быть нельзя – вся страна за ним наблюдает и пример берет.

Учиться Петрову не понравилось, особенно стихи Пушкина учить.

– Да сколько же можно?! – возмущался первоклассник Петров. – Зачем он столько стихов сочинил?

– Правильно, Петров! – радовалась его первая учительница. – Пишите скорее свои стихи, мы их сразу в школьную программу включим, а надоевшую классику выбросим.

– А тут слова незнакомые, я половину не понимаю! – это Петров уже после возмущался, когда до «Слова о полку Игореве» дошел.

И уже не первая его учительница тоже обрадовалась:

– Все верно, Петров! Надо запретить классику. Вот как только напишете что-то свое, сразу все старое выбросим, а ваши книги изучать начнем.

Петрову не очень нравилось, что его в писатели определили.

– Может, я слесарем стать хочу! – говорил он. – Или гаишником.

Литературоведы за сердце хватались и тут же в блокноты записывали:

– Какой творческий поиск! Какая неугомонная жажда жизненной правды!

А под окнами Петрова собрались толпы детей с лозунгами, и они скандировали: «Не хотим классиков! Хотим читать Петрова! Петров, ты самый лучший! Пиши!»

И он написал. Написал на своей странице в соцсети, что ему страшно все надоело! Школа надоела, учителя и одноклассники, и даже родители с почитателями таланта. Трава зеленая надоела, небо синее, солнце желтое – в общем, все.

Лег спать, а утром смотрит: у поста миллионы лайков, сотни тысяч репостов и несчитаное количество комментариев. Литературоведы его творчество разбирают, литературные критики рецензии хвалебные пишут, читатели продолжения ждут. И все страшно радуются: дождались! Вот оно – первое творчество Петрова.

Ему сразу же встречу с читателями организовали в самом большом книжном магазине. Все стоят с распечаткой поста Петрова на самой дорогой бумаге с розовой отдушкой – автограф хотят. И тут подходит к нему сильно вонючая тетенька и говорит:

– Это мне, Петров, вы свой первый автограф дали. Я так и не моюсь с тех пор. А после моей смерти кусок кожи с вашим автографом в музей отправится. Мне за это страшно большие деньги заплатили.

Петров три дня и три ночи автографы ставил. Устал и рассердился, даже хотел пост удалить, но тут на него письма посыпались. Он в одном литературном конкурсе победил, и во втором, и в третьем. И везде ему за это миллионы дают! Петров обрадовался, конечно, ведь глупо от миллионов отказываться. Решил: буду детским писателем, раз за это так много платят!

Тут будильник прозвенел. Проснулся Петров, включил телевизор: никто его с днем рождения не поздравляет. И в газетах об этом не пишут, и даже в интернете. В магазины автографы давать не зовут и миллионы не дают. Грустно стало Петрову, и пошел он на улицу – развеяться. Глядь, а все автобусы, трамваи и троллейбусы с флагами ездят, его день рождения празднуют. Обрадовался Петров и до самого вечера радовался, пока не прочитал, что сегодня День российского флага.

Петров и выпускной

Однажды писателя Петрова пригласили на выпускной, потому что его очень любили дети. Они даже не плевались в него из трубочек, когда писатель приходил в школьную библиотеку на встречу. Было тепло, все стояли во дворе школы. Директор говорил на линейке много хороших слов. Затем го-

ворили родители и даже дети. Только не про Петрова и его книги, а больше про школу. Мол, как тяжело с ней расставаться.

Каждому ребенку подарили по воздушному шару, чтобы ребенок загадал желание и отпустил шарик с мечтой в небо. Но дети настолько любили детского писателя Петрова, что решили подарить все шары ему. А Петров очень боялся воздушных шаров – вздрагивал, когда они лопались. Поэтому сразу замолчал – от страха.

Ему вручали шары и вручали, а потом последняя старшеклассница тоже подбежала, расцеловала Петрова и привязала к нему воздушный шар – на счастье. И тогда Петров полетел. Он смешно бултыхал ногами, но закричать так и не смог. А дети бежали за ним и махали руками.

«Пусть исполнятся наши желания!» – кричали они.

Петров бы долго летел, если бы не хулиганы. Они подстрелили воздушные шары пульками из рогаток, и тогда детский писатель Петров упал. И закричал. Все сразу. Он упал на батуты и долго прыгал с одного на другой, пока его не поймали и не выгнали. Потому что Петров был в ботинках и не заплатил за вход.

Заслуженный Петров

Петров сидел в интернете и читал новости: «С завтрашнего дня Правительство вводит звание “Заслуженный писатель страны”. Отличившихся авторов решено наградить важной правительственной наградой – значком ЗасПиса». Тут же была прикреплена фотография круглого пластмассового значка: на белом фоне выделялись красные буквы «ЗасПис страны».

«О-о-о», – застонал Петров, глядя с вожделением на значок. Петров не сомневался: ему срочно нужен такой!

Он полез узнавать подробности. На сайте было опубликовано, что авторам надо пройти комиссию, которая занимается выдачей значков, и ответить всего на один вопрос. «Пара пустяков!» – решил Петров. Ранним утром он вышел из квартиры, сжимая в руках единственную книгу, и отправился на Красную площадь.

Он рассчитывал, что будет первым, но перед входом уже собралась огромная толпа писателей. Ближе всех к вожделенным аркам находились Иванов и Сидоров. Рядом с Ивановым стоял чемодан на колесиках, у Сидорова таких чемоданов было два, а еще рюкзак. Петров хотел пробиться к Иванову и Сидорову, прикинувшись туристом, но посмотрел на остальных писателей и не рискнул.

Очередь двигалась быстро: писатели возвращались подавленные и без значков. «Валят – сил нет!» – слышались расстроенные возгласы. Вскоре мимо Петрова покатил чемоданы Сидоров.

– Представляешь?! – возмутился на ходу Сидоров. – Сказали, что у меня книг мало.

Петров посмотрел на его чемоданы и рюкзак, затем на свою книжку и промолчал.

После появился Иванов.

– Прикинь, – как бы между прочим сообщил Иванов. – Мои книги, оказывается, не большая литература. Надо еще толще и больше книги писать!

Петров снова ничего не ответил и на всякий случай убрал свою книгу за пазуху. Через два часа наступила его очередь.

Комиссия состояла из четырех человек: председателя и троих членов. Председатель был раздражен и недоволен, члены тоже.

– И какой вклад вы, Петров, внесли в литературу? – задал единственный вопрос председатель.

Петров вытащил книгу и положил ее на краешек стола.

– И все? Всего одна книга?! – возмутился председатель.

– Да! – подхватил Петров. – А что я сделаю, если не хотят издавать мои книги? – наябедничал он.

В лице председателя промелькнуло подобие сочувствия.

– Да, бывает такое, – подтвердил он. – Знаю.

Члены усиленно закивали.

– Ну а что еще вы внесли в литературу? – продолжил расспрашивать председатель.

– Да многое! – Петров разгорячился. – Слышали о книге «Петровы в гриппе»? Это про мою семью написано. Мы самые первые в стране, да и во всем мире ковидом заболели. Еле выжили. Пока мы выживали, а нам даже диагноз правильный поставить не могли, кто-то взял и книжку написал!

Председатель и члены обменялись радостными взглядами. Петров понял: дело на мази!

– А книги про Петрова и Васечкина читали? По ним еще фильмы сняты. Это про меня и моего друга, – врал на голубом глазу Петров. – За нами все время какой-то дядька ходил. Мы думали, что это шпион, а он писателем оказался.

– А что еще? – Председатель глядел на Петрова восторженными глазами.

– Да много чего! – Петрова несло. – Есть такой писатель – Иванов, он «Географ глобус пропил» написал – тоже про меня.

– Не может быть! – воскликнул один из членов.

– Чистая правда! – Петров приложил руку к сердцу. – У меня прозвище в школе Географ было, потому что я глобус на лимонад обменял.

Председатель не выдержал и зааплодировал.

Через пять минут Петров вышел с Красной площади. Он медленно прошествовал мимо очереди, тянувшейся по Тверской улице, мимо памятника Жукову, указывающему Петрову путь в светлое будущее. Мимо застывших у входа в метро Иванова и Сидорова, не глядя по сторонам. Его плечи были расправлены, подбородок вздернут, а на значке, приколотом к куртке, алела гордая надпись: «ЗасПис страны».

Непристойные сказки

Петров написал в соцсети: «У меня есть непристроенные сказки. Наверное, придется выложить в интернет». И принялся ждать слова утешения. Первым откликнулся Сидоров, он написал в личку: «Слушай!!! Не ожидал от тебя! Дай почитать! А то работаю над детективом и не могу разобраться, кто убийца. Мозги кипят, отвлечься нужно».

Петров удивился такому энтузиазму, но сказки Сидорову послал. Немного погодя пришло письмо от Иванова: «Сильно! Никогда бы не подумал, что ты на это способен. Дай почитать: а то никак роман не допишу. Герой со своим кризисом среднего возраста заколебал: ноет и страдает все время. И жизнь у него серая и беспробудная, и другие персонажи бухают только и жизнь зря прожигают. Хотя бы отвлекусь от этих уродов».

Даже тогда Петров ничего не заподозрил и сказки Иванову отправил. Под постом появился комментарий чьей-то мамы: «Какой вы, Петров, оказывается! Надо поближе познакомиться с вашим творчеством». К комментарию был прикреплен игривый смайлик.

Чей-то папа отметился: «Уважаю. На таких мужиках, как ты, Петров, страна держится».

Возмутилась чья-то бабушка: «А еще детский писатель, называется! Постыдился бы Михалкова!»

Весь день Петров с непониманием следил, как под постом множатся комментарии.

– Добавлю в лист ожидания.

– Сообщите, как книга выйдет.

– Куда бежать читать?

Особое недоумение у Петрова вызвал комментарий с упоминанием какого-то диктатора порока. Петров перечитал свой пост, затем снова комментарий и на всякий случай удалил его.

Поздним вечером возмущенный Сидоров написал Петрову: «Ты что мне выслал?! Что это за 6+? Где разврат, пытки и вспоротые животы?» Мгновение спустя проявился Иванов: «Слишком иносказательно. Конечно, я понимаю, что ты заложил в тычинки и пестики, но нельзя более прямо, по правде жизни, так сказать?»

Петров, который ничего не закладывал ни в тычинки, ни в пестики, сидел перед монитором с открытым ртом и не мог понять: что они от него хотят? Ему казалось, что мир сошел с ума, но вскоре выяснилось: и Сидоров, и Иванов, да и все остальные прочли «непристроенные сказки» как «непристойные».

«Как они могли?! – Петров бегал по квартире из угла в угол. – Я детский писатель! Да я в жизни… Да никогда…» Сгорая от стыда, он залез в соцсеть, чтобы уничтожить пост про сказки. К тому времени количество комментариев перевалило за тысячу, лайков от одобрительных до гневных скопилось за десять тысяч. Петров подумал и оставил пост.

«Король отстал от свиты на охоте и заблудился. Всю ночь он трубил в рог, но только вой волков раздавался в ответ. Лишь ранним утром король выбрался из леса. Местность была незнакомая: сразу за лугом располагалась какая-то деревушка. Король медленно ехал по улице в надежде, что попадется кто-то из жителей, но никого не было видно.

Король подъехал к одному из строений, дверь в него была приоткрыта. Король спешился и заглянул внутрь. На сеновале отдыхала селянка…»

Петров почесал лоб и исправил «селянку» на «пейзанку», затем вновь зачеркнул и написал: «…прекрасная девушка. Ее тонкая сорочка не скрывала очертаний тела. Ворот рубашки был расстегнут и не скрывал линию плеча и выпирающую ключицу».

Петров завис: повтор! Два раза глагол «скрывал». Он залез в словарь синонимов и откорректировал: «и не прятал линию плеча, выпирающую ключицу и белизну кожи. Рот девушки был приоткрыт, призывая короля действовать смелее».

Петров отвлекся от рукописи и перевел дыхание: да, надо быть смелее! Сейчас он всем покажет! Еще мгновение, и Петров станет коммерческим автором. Пот выступил на лбу Петрова, он зажмурился и вслепую набрал: «Король склонился над девушкой и жадно припал к ее губам…»

КОНЕЦ ознакомительного фрагмента. Полный вариант сказки вы можете скачать на сайте писателя Петрова всего за 199 рублей.

Программа Петрова

«Весь день Петрову в личку летели письма. В письмах были ссылки на расследования этих против тех и тех против этих. Петров читал письма и ужасался коварству тех и этих. Он хотел ничего не отвечать на письма, но от Петрова требовали, чтобы он определился: с теми он или с этими? Петров и определяться не хотел: и те, и эти ему не нравились, о чем он написал на своей странице:

“Я не за тех и не за этих. Они все врут и воруют. Один я честный, выбирайте меня”.

Но на призыв Петрова никто не отреагировал, даже лайка не поставили, о чем он пожаловался в писательский чатик.

– А ты чего хотел? – удивился Сидоров. – Честность – это не программа. Чтобы тебя куда-то выбрали, нужно нормальную программу написать.

– Почему не программа? – обиделся Петров. – Вполне себе программа.

– И как ты будешь ее реализовывать? – поинтересовался Иванов.

– Ну смотрите, – принялся развивать мысль Петров. – Раз я честный, значит, я против нечестных. Значит, когда меня выберут, я тех и этих посажу в тюрьму, чтобы не врали и не воровали.

Минут пять в чатике никто не отвечал. Потом решился Сидоров.

– Знаешь, не надо так, – написал Сидоров. – Иначе тебя никто не выберет.

– Почему? – не поверил Петров.

– Те и эти не дадут, – объяснил Сидоров. – У меня в детективе такой же случай был, так что я знаю. Скажут, что ты тоже воруешь.

Петров обернулся и внимательно оглядел комнату: лично ему как вору было бы стыдно за свой непрофессионализм.

– Не скажут, – заверил он. – Мне квартира от прабабушки досталась, а больше у меня ничего нет.

– Так подкинут. – Сидоров зачем-то прислал улыбающийся смайлик. – Дворец какой-нибудь или счет в швейцарском банке. Замучаешься доказывать, что не твое.

– Если мне подкинут дворец или деньги, – твердо заявил Петров, – я ничего доказывать не буду. Скажу, что да, мое.

– А если наркотики подбросят? – нарушил молчание Иванов. – В моем романе мужику чемодан наркотиков подбросили.

Он мрачно пошутил:

Схватили котиков
Из-за наркотиков.

– Какой чемодан? – возмутился Сидоров. – Кто наркотики чемоданами подбрасывает? Вечно вы, боллитровцы, преувеличиваете.

– Я детский писатель! – рассердился Петров. – Какие наркотики?! Это не ко мне.

Но Сидоров и Иванов сцепились не на шутку и полчаса выясняли, сколько обычно подкидывают наркотиков, и про Петрова забыли. Потом они помирились, решив, что в жизни всякое бывает, и вернулись к Петрову.

– Так, давай по порядку, – настрочил Сидоров. – Начнем с Семейного кодекса. Твои предложения.

– Каждой женщине по мужчине, каждому мужчине по женщине, – быстро нашелся Петров, который за полчаса успел заскучать.

– У нас не только мужчины и женщины бывают, – напомнил Иванов, – но и гомосексуалисты, трансгендеры, третий пол и неопределившиеся.

– Если он напишет “каждому мужику по мужику”, его побьют, – возразил Сидоров. – Причем не только словесно.

– Да, – согласился Иванов. – Аккуратно надо.

– Каждому остальному по остальному, – предложил Петров.

– Гениально! – восхитился Иванов. – Емко и по существу.

– И не подкопаешься! – подхватил Сидоров. – Всегда отболтаться можно про остальных. Мало ли что имелось в виду.

– Теперь про налоги, – напомнил Иванов.

– Я за! – Перед Петровым мысленно вставала картина прекрасного будущего. – Пусть платят налоги по-честному. И те, кто квартиры сдает, и кто на рынке петрушкой торгует. А если кто книги или фильмы с пиратских сайтов скачивает, пусть штрафы платят, чтобы неповадно было!

В чате снова воцарилось молчание.

– Знаешь, лучше не будем про налоги, – через десять минут написал Сидоров. – Электорат не поймет.

– Но все же хотят, чтобы по-честному! – Картина прекрасного будущего трещала по швам.

– Хотят, – подтвердил Иванов, – но так, чтобы при этом налоги не платить.

– Хотя мысль со штрафами мне нравится, – одобрил Сидоров. – В программу включать не будем, но запомним. А как тебя, Петров, выберут, сразу такой закон примешь.

– Поддерживаю, – добавил Иванов. – Надоели эти пираты! Читают бесплатно, а потом еще мои книги ругают: не так написал, не то написал!

Сидоров прислал сообщение:

– Теперь про писателей, нужно пообещать им плюшки, чтобы твоя программа, Петров, отличалась от других.

– Каждому писателю по книге! – сообразил Петров, но тут возмутился Иванов:

– Даже Пупкину? Этому графоману Пупкину?! Я так не согласен!

Иванов настрочил гневную простыню, что надо отличать нормальных писателей от остальных и нельзя всем подряд книги издавать. Затем Иванов начал рассуждать о критериях отбора, сам в них запутался и ни к чему не пришел. Петров наблюдал за всем этим с восхищением: он так не умел.

– Слушай, – вмешался Сидоров, – не кипятись. Мы не будем уточнять, какой тираж. Например, нам троим по сто тысяч: чтобы в каждую библиотеку страны книги попали и в магазинах их горкой выкладывали. А Пупкин и десятью книгами обойдется.

Петров мысленно зааплодировал: какой же Сидоров находчивый! Не зря детективы пишет.

– Нужно коммерческих авторов к нам переманить, – продолжил Сидоров. – У них и деньги, и читатели. За ними пойдут.

После долгого обдумывания Петрова осенило:

– Надо для них отдельный союз писателей организовать: “Клуб миллионеров”. И брать туда тех писателей, у которых гонорар больше миллиона рублей в квартал.

В чате снова возникла тишина. Петров перечитал написанное и осознал, что чуть не плачет от зависти.

– Я тоже хочу в “Клуб миллионеров”, – признался он.

– И я! – откликнулись Сидоров и Иванов.

Они обменялись слезливыми стикерами.

– Ничего! – пообещал Петров. – Если меня выберут, наши книги начнут огромными тиражами продаваться, и мы обязательно вступим в клуб.

Утром на его странице появился новый пост. В нем кратко излагалась Программа Петрова:

“Каждому мужчине по женщине.

Каждой женщине по мужчине.

Каждому остальному – остальное.

Каждому писателю по книге.

Для коммерческих авторов организуется “Клуб миллионеров”.

Петров проверил пост и довольно улыбнулся: прекрасное будущее неотвратимо приближалось».

Выше приведен отрывок из книги воспоминаний Иванова «Петров, или Восхождение тирана». Издана в количестве 10 экземпляров.

Петров и муза

Детский писатель Петров сидел на диване, смотрел телевизор и пил лимонад. Был пятничный вечер – законный выходной, когда Петров ничего не писал. Он выключил ток-шоу и отправился к холодильнику за чем-нибудь. Нарезал тоненько сало с черным хлебом, открыл банку с квашеной капустой и немного перекусил. Когда Петров вернулся в комнату, его ждал сюрприз в виде пожилой музы. Она протирала платком очки с толстыми линзами, а при появлении Петрова закричала:

– Сидоров, как вам не стыдно?! Почему я должна ждать?!

Муза водрузила очки на нос и с возмущением уставилась на Петрова.

– Я не Сидоров, я Петров, – попытался оправдаться тот и рукой указал на форточку: мол, вам в соседнее окно.

– Что вы себе позволяете, Сидоров?! – Муза взглядом чуть не испепелила Петрова. – Садитесь за стол. Живо!

Петров вздрогнул и едва не промахнулся мимо стула.

– Пишите! – скомандовала муза.

Петров послушно потянулся за ноутбуком.

– Куда?! – завопила муза и шарахнула Петрова линейкой по пальцам.

Хорошо, тот успел их отдернуть.

– Листок возьмите, ручку. Да что с вами сегодня, Сидоров?

Петров снова ответил, что он не Сидоров, но муза не расслышала. Проблемы у нее были не только со зрением, но и слухом.

Петров достал бумагу и принялся писать. Муза летала вокруг и постоянно придиралась.

– Кто так «А» пишет? Здесь крючок должен быть, а тут петелька. – Петрову пришлось несколько раз переписывать предложение. – И «И» у вас, Сидоров, кривое.

Петров отвлекся на то, чтобы почесать нос, но муза сразу заметила.

– Пишите уже! – треснула она линейкой по столу. – У меня времени в обрез.

Петров покорился своей участи.

Улетела муза лишь в десять вечера. Сперва она перечитала написанное, шевеля при этом губами. Затем махнула рукой:

– Сойдет.

Петров быстро захлопнул за ней форточку, а после позвонил Сидорову.

– Привет, Петров! – обрадовался Сидоров. – Что делаешь?

– Детектив пишу, – тяжелым голосом ответил Петров.

– Да ты что? – удивился Сидоров. – Ты же никогда… – и тут Сидоров сообразил: – Моя прилетала?

– Твоя.

– Ой, извини, что так вышло, – заюлил Сидоров. – А я думаю, почему моей нет? Куда подевалась?

– С тебя полкило сала, – коротко ответил Петров. – И можешь забрать свой детектив несчастный.

Спустя неделю Петров сидел дома, пил чай с пирогами и глядел мультики. В окно постучали – Петров предусмотрительно закрыл форточку. Он выглянул и увидел пьяного муза. Тот указал на форточку: открывай. Петров замотал головой и ткнул пальцем вверх: там жил писатель Иванов. Иванов писал толстые и скучные книги про умных людей. Муз оттопырил три пальца и выразительно посмотрел в сторону окна Иванова: третьим будешь? Петров еще раз энергично замотал головой. Муз кивнул, чуть не потеряв при этом равновесие, и полетел к Иванову.

Петров и сын

Детский писатель Петров как-то вечером пил лимонад. В дверь позвонили. Петров открыл дверь и увидел моложавого мужчину. Тот широко улыбнулся и протянул руки:

– Здравствуй, папа!

Петров от неожиданности прыснул лимонадом и попятился; мужчина вытер лицо платком и шагнул следом. Через секунду Петрова обнимали и хлопали по спине.

– Я тебя таким и представлял, папа.

Пока Петров ловил воздух ртом, новоявленный сын вытащил фотку лысого младенца и продемонстрировал ее.

– Это я в детстве. Вылитый ты.

Петров, который полысеть еще не успел, был не согласен.

– У меня нет детей!

– Как же нет? – обиделся сын. – А я?

– Простите, – мысли Петрова заметались, – вам сколько лет?

– Сорок восемь.

– Вот! – обрадовался Петров. – А мне только тридцать. Я не могу быть вашим отцом. Это невозможно!

– Я верю своей маме, – кратко, но с достоинством ответил сын.

Петров замолчал: на святое он посягнуть не мог.

– А от меня чего хотите? – осторожно спросил Петров.

– Совсем ничего. – Лицо сына стало серьезным. – Мне не нужны твои миллионы, папа, лишь право назвать себя твоим сыном.

Петров растерялся:

– У меня нет миллионов.

– Как же? – Сын полез в карман и достал сложенную вчетверо газету. – Здесь же написано, что ты выиграл литературный конкурс и получил миллион!

Петров пробежался глазами по публикации.

– Это шутка. – Он почувствовал огромное облегчение. – Первоапрельский розыгрыш. Я не победил в конкурсе.

– Обманщик! – Возмущенный сын бросил газету в лицо Петрову и удалился, громко хлопнув дверью.

Петров долго стоял в проеме и не верил своему счастью.

Через пару дней в дверь позвонили. Петров осторожно приоткрыл ее, на пороге стояла прекрасная девушка. Она широко улыбнулась, шагнула навстречу Петрову и прижала его к груди пятого размера, отчего у Петрова перехватило дыхание.

– Здравствуй, папа!